

ХАЙДЕГГЕР МАРТИН (1889-1976)

<...> Откуда берет представляющий процесс высказывания указание — ориентироваться по предмету и настраиваться соответственно с правильностью? Почему эта настроенность вместе с тем определяет сущность истины? Как может, однако, совершаться нечто такое, как работа, [осуществляющая] заданность направления и введение в [состояние] согласованности? Только так, что эта заданность уже высвободилась в открытое для управляющей из него очевидности, которая из него управляет и связывает всякое представление. Высвобождение себя для связующего направления возможно только как свободное бытие к очевидности открытого. Такое свободное бытие открывает завесу над до сих пор непостижимой сущностью свободы. Доступность отношения как внутреннее осуществление правильности имеет свою основу в свободе. Сущность истины есть свобода.

Но не переносит ли это положение о сущности правильности само собою разумеющееся на место другого? Чтобы быть в состоянии совершить какое-либо действие, а вместе с тем также действие высказывания, заключающего в себе представление, и даже действие согласия и несогласия с истиной, действующий должен быть во всяком случае свободен. Но это положение, конечно, не означает, что для осуществления высказывания в целях сообщения и усвоения было необходимо непринужденное действие, но предложение говорит: свобода есть сущность самой истины. "Сущность" при этом понимается как основа внутренней возможности того, что в первую очередь и в общем признается известным. Но ведь в понятии свободы мы мыслим не истину и уже совсем не ее сущность. Положение, что сущность истины (правильность высказывания) есть якобы свобода, должно поэтому показаться странным.

Поместить сущность истины в свободу - не означает ли это оставить истину на произвол человеку? Можно ли основательнее похоронить истину, чем оставив ее на произвол этой "колеблющейся тростинке"? То что уже во время предыдущего рассмотрения постоянно навязывалось здравому суждению, отчетливее обнаруживается лишь теперь: истина принижается здесь до субъективности человеческого субъекта. Пусть даже для этого субъекта достигается объективность, однако она остается одновременно с человеческой субъективностью и в распоряжении человека. Конечно, человеку приписывают фальшь и искажения, ложь и заблуждения, обман и видимость, короче говоря, все виды не-истины. Но ведь не-истина — это также противоположность истине, из-за чего она как ее не-сущность надлежащим образом удалена из круга вопроса о чистой сущности истины. Этот человеческий источник происхождения не-истины подтверждает ведь господствующую только из противоположности "над" человеком сущность истины "в себе". Она считается метафизикой как непреходящее и вечное, которое никогда не может быть построено на мимолетности и бренности человеческого существа. Как еще сможет тогда сущность истины найти в свободе человека свою наличность и основу? Возражение против утверждения, что сущность истины есть свобода, опирается на предмнения, из которых самые упорные, следовательно, гласят: свобода — это свойство человека. Сущность свободы не нуждается ни в каких дальнейших вопросах и не терпит их. Что такое человек — знает каждый. Однако указание на сущностную связь между истиной как правильностью и свободой колеблет эти предмнения, полагая, правда, что мы готовы к изменению мышления. Память о сущностной связи между истиной и свободой приводит нас к тому, чтобы проследить вопрос о сущности человека с точки зрения, которая гарантирует нам опыт скрытой основы существования человека, а именно так, чтобы он прежде перенес нас в первоначально сущностную сферу истины. Но отсюда обнаруживается также: свобода есть основа внутренней возможности правильности только потому, что она получает свою собственную сущность из более первоначальной сущности единственно существенной истины. Свобода сначала определялась как свобода для очевидности того, что открыто. Как следует мыслить эту сущность свободы? Очевидное, к которому приравнивается обладающее представлением высказывание как правильное, это в том или ином случае в открытом отношении открытое сущее. Свобода к очевидному открытого допускает соответствующее сущее быть тем сущим, которым оно является. Свобода раскрывается теперь как допущение бытия сущего. <...>

Свобода — это не только то, что здравый рассудок заставляет циркулировать под этим названием: появляющийся иногда произвол отвергать при выборе тот или иной вариант.

Свобода не есть несвязанность возможностью совершать или не совершать что-либо. Но свобода не есть также лишь готовность для требуемого и необходимого (и как-либо так сущее). Свобода, предваряя все это ("негативную" и "позитивную" свободу), есть допуск в раскрытие сущего как такового. Сама сокрытость сохраняется в экзистентном участии, через которое открытость открытого, т. е. "наличие", есть то, что оно есть.

В существовании человеку сохранена долгая оставшаяся необоснованной основа сущности, исходя из которой он может существовать исторически. "Экзистенция" не означает

здесь existentia в смысле события и "наличного бытия" сущего. Но "экзистенция" здесь также и не "экзистенциальное" в смысле нравственных усилий человека, направленных на самого себя и основанных на его телесно-психической структуре. Экзистенция, уходящая своими корнями в истину, как в свободу, это переход в раскрытость сущего как такового. Не нуждаясь еще ни в понятийности, ни даже в обосновании сущности, экзистенция исторического человека начинается в тот момент, когда первый мыслитель, вопрошая останавливается перед нескрытостью сущего с вопросом, что такое сущее. Этим вопросом впервые узнается нескрытость. <...>

Но если экзистентное существование (Da-sein) как допущение сущего освобождает человека для его "свободы", тем что она вообще лишь только представляет ему возможность (сущее) для выбора и предлагает ему необходимое (сущее), тогда человеческий произвол не распоряжается свободой. Человек "обладает" свободой не как свойством, а как раз совершенно наоборот: свобода, экзистентное, раскрывающее бытие владеет человеком, и это обладание так изначально, что единственно она предоставляет человечеству ту связь с сущим в целом как таковым, которая только лишь и обосновывает и характеризует всю историю. Только экзистентный человек историчен. "Природа" не имеет истории.

Свобода, понимаемая таким образом как допущение бытия сущего, наполняет и осуществляет сущность истины в смысле раскрытия сущего. "Истина" — это не признак правильного предложения, которое высказывается человеческим "субъектом" об "объекте" и потом где-то, неизвестно в какой сфере, имеет силу, но истина есть раскрытие сущего, благодаря которому существует открытость. В открытое открытости перенесено все человеческое поведение и отношение. Поэтому человек есть способ экзистенции.

Так как всякое человеческое поведение всегда в своем роде устойчиво и настраивается на то, к чему оно относится, то сдержанность допущения бытия, т. е. свобода, определенно придала ему внутреннее указание для приравнивания представления к тому или иному сущему. "Человек экзистирует" означает теперь: история сущностных возможностей исторического человечества сохранена для него в обнаружении сущего в целом. Из способа как первоначальная сущность истины осуществляет себя, возникают как редкие, так и обычные решения истории. Однако так как истина в своей сущности есть свобода, то исторический человек в допущении бытия сущего также может не допустить сущее быть сущим, тем, что оно есть и как оно есть. Тогда сущее прикрывается и искажается. Кажимость приходит к власти. В ней обнаруживается несущность истины. Но так как экзистентная свобода как сущность истины не является свойством человека, а человек существует только как достояние этой свободы и таким образом становится способным на историю, поэтому несущность истины не может также лишь дополнительно возникнуть только из бессилия и небрежности человека. Неистина должна появиться скорее же из сущности истины. Только потому, что истина и не-истина в сущности не безучастны, а связаны друг с другом, истинное предложение может вообще войти в остроту противоположности к соответственно неистинному предложению. Вопрос о сущности истины достигает поэтому первоначальной сферы запрашиваемого только тогда, когда он из предварительного созерцания полноты сущности истины включил в раскрытие сущности также сознание не-истины. Обсуждение не-сущности истины — это не дополнительное заполнение образовавшегося пробела, а важный шаг, чтобы считать достаточным постановку вопроса о сущности истины. Однако все-таки как же постигнуть не-истину в сущности истины? Если сущность истины не исчерпывается правильностью высказывания, тогда и не-истину нельзя приравнивать к неправильности суждения.

Сущность истины раскрывается как свобода- Свобода есть экзистентное, высвобождающее допущение бытия сущего. Всякое открытое поведение парит в сфере допущения бытия сущего и всякий раз соотносится с тем или иным сущим. Как допуск в раскрытие сущего в целом как такового свобода уже настроила все поведение на сущее в целом. Однако эту настроенность (настроение) никогда нельзя понимать как "переживание" и "чувство", потому что она тем самым только лишается своей сущности и получает свое истолкование из таковых (из "жизни" и "души"), что ведь само может утверждать только видимость права и сущности, пока оно носит в себе изменение и неправильное толкование настроенности. Настроенность, т. е. экзистентный момент выхода в сущее как целое, может только "переживаться" и "чувствоваться", потому что "переживающий человек", не имея никакого понятия о сущности настроения, всегда уже допущен в сферу согласованности, раскрывающей сущее как целое. Всякое поведение исторического человека, подчеркивается это или нет, понимается или не понимается, всегда настроено и этим настроением включено в сущее в целом. Открытость сущего в целом не совпадает с суммой как раз известных сущих. Напротив: там, где сущее людям мало знакомо и познано наукой едва только в грубых чертах, очевидность сущего в целом может господствовать существеннее, чем там, где знакомое и в любое время узнаваемое стало необозримым и усердию знания ничто не может больше противостоять, в то время как техническая управляемость вещей принимает форму безграничности. Как раз в тиши и глади всезнания и только знания, очевидность сущего мельчает до превращения в кажущееся ничто уже более не безразличного, а только [пока] еще забытого. Согласующееся допущение бытия сущего

пронизывает все колеблющееся в нем постоянно открытое поведение, забегая вперед. Поведение человека настроено очевидностью сущего в целом. Но это "в целом" выступает в поле зрения повседневного расчета и деятельности как неисчислимо и непостижимо. Как раз из очевидного сущего, принадлежит ли оно природе или истории, его никогда нельзя уловить. Постоянно все согласовывая, оно остается все же неопределенным, неопределяемым и большей частью совпадает затем с самым обыденным и самым необдуманым. Это согласующее, однако, не есть ничто, а сокрытие сущего в целом. Как раз тем, что допущение бытия в отдельном поведении каждый раз допускает бытие сущего, к которому оно имеет отношение и тем самым раскрывает его, оно скрывает сущее в целом. Допущение бытия есть в то же самое время сокрытие. В экзистентной свободе здесь-бытия (Da-seins) осуществляется сокрытие сущего в целом, есть сокрытость.

Сокрытость лишает aletheia открытости и не допускает ее как steresis (лишения чего-либо), а сохраняет ей самое подлинное как собственность. Тогда сокрытость, мыслимая со стороны истины как открытость, есть не-сокрытость и вместе с тем самая близкая к сущности истины и подлинная не-истина. Сокрытость сущего в целом никогда не наступает дополнительно как результат всегда частичного познания сущего. Сокрытость сущего в целом, т. е. подлинная не-истина, древнее, чем каждая очевидность об этом и том сущем. Она также древнее, чем само допущение бытия, которое, уже раскрывая, держит в сокрытости и относится к сокрытости. Что скрывает допущение бытия в этой соотнесенности с сокрытием? Не более и не менее как сокрытие сокрытого в целом, сущего как такового, т. е. тайну. Не отдельная тайна об этом и том, а только одна, а именно то, что вообще тайна (сокрытие сокрытого) как таковая господствует над бытием (Da-sein) человека.

В раскрывающем и одновременно скрывающем допущении бытия сущего (des Seienden) в целом совершается то, что сокрытие выступает как первично сокрытое.

Бытие, поскольку оно существует (ek-sistiert), исторически, сохраняет первейшую и обширнейшую конечную не-раскрытость, подлинную не-истину. Подлинная не-сущность истины — это тайна. Несущность не означает здесь еще падения до сущности в смысле всеобщего, ее possibilitas (осуществления) и ее основы. Не-сущность здесь в таком смысле — это пред-сущностная сущность. Но "не-сущность" означает в первую очередь и большей частью искажение той, уже отпавшей сущности. Не-сущность остается, правда, в каждом из этих значений всегда по-своему, для сущности существенной и никогда не становится несущественной в смысле безразличия. Но сказать так о несущности и неистине означает слишком жестоко отнестись к еще привычному мнению и отвергнуть как передержку с трудом вымышленного "парадокса". Так как эту видимость трудно устранить, следует отказаться от этой только для обыденного мнения парадоксальной речи. Конечно, для сведущего человека "не"-начальная не-сущность истины как не-истины указывает на еще непознанную область истины бытия (не только лишь сущего). <...>

Человек заблуждается. Человек не сразу сбивается с пути. Он только всегда на ложном пути, потому что он исторически упорствует и таким образом уже находится в заблуждении. Заблуждения, через которые человек проходит, есть ничто, то, что как бы тянется рядом с человеком, как яма, в которую он иногда попадает, но заблуждение относится к внутренней структуре существования (Da-seins), в которое допущен исторический человек. Заблуждение — это пространство поворота, в котором ин-зистентная эк-зистенция, включаясь в круговорот, предается забвению и теряет себя. Сокрытие сокрытого сущего в целом господствует в раскрытии соответствующего сущего, которое как забвение сокрытия становится заблуждением. Заблуждение является существенным антиподом по отношению к первоначальной сущности истины. Заблуждение раскрывается как открытое (Offene) для всякой противоположности к существенной истине. Заблуждение — это открытое место и причина ошибки. Не отдельная ошибка, но царство (господство) истории тех переплетенных между собой коллизий всех форм заблуждения есть ошибка-

Всякое отношение сообразно своему выявлению и своей соотнесенности с сущим в целом имеет каждый раз свою форму заблуждения. Ошибка простирается от самого обычного проступка, недосмотра и просчета до скольжений и промахов в важных поступках и решениях. Но то, что обычно это относится также и к философским учениям, — считают ошибкой, — неправильность суждения и ложность познания, то это только лишь одна из форм, и притом самый поверхностный вид заблуждения. Путь заблуждений, которым в зависимости от обстоятельств должно идти историческое человечество, чтобы его поступок была ошибочной, составляет существенную часть открытости существования (Daseins). Заблуждение господствует над человеком, сбивая его с пути. Как обман заблуждение, однако, в то же самое время создает возможность, которую человек способен выделить из эк-зистенции, а именно не поддаваться заблуждению, распознавая его и не ошибаясь относительно тайны здесь-бытия (Da-seins). Так как ин-зистентная эк-зистенция человека идет путем заблуждений, потому что заблуждение, сбивая с толку и закрывая тайну, приобретает силу, а именно силу забвения, поэтому человек в эк-зистенции своего существования одновременно подвластен силе тайны и угнетенности заблуждения. Он в тисках принуждения тем и другим. Эта полная сущность истины,

включающая свою подлиннейшую не-сущность этим своим постоянным колебанием в ту и другую сторону, держит человека в затруднении. Существование — это поворот к необходимости. Из существования человека и только из него возникает раскрытие необходимости и вслед за этим возможное перемещение в неизбежность.

Раскрытие сущего как такового — это само по себе одновременно сокрытие сущего в целом. В одновременности раскрытия и сокрытия господствует заблуждение. Сокрытие сокрытого и заблуждение относятся к изначальной сущности истины. Свобода, постигаемая из экзистенциальной экзистенции бытия (Daseins), является сущностью истины (в смысле правильности представления) только потому, что сама свобода происходит из первоначальной сущности истины, из господства тайны на пути заблуждения. Допущение бытия сущего совершается в открыто устойчивом поведении. Но допущение бытия сущего как такового в целом совершается сообразно с сущностью лишь только тогда, когда оно иногда принимается в ее изначальной сущности. Тогда решимость на тайну находится на пути к заблуждению. Тогда вопрос о сущности истины звучит как вопрос о ее происхождении. Тогда раскрывается основа переплетения сущности истины с истиной сущности. Взгляд на тайну из заблуждения есть вопрошение в смысле одного-единственного вопроса, а именно: что такое сущее в целом как таковое. Это вопрошение мыслит, по существу, сбивающий с толку и поэтому в своей многозначности еще не мастерски поставленный вопрос о бытии сущего. Мышление о бытии, из которого первоначально возникает такой вопрос, понимает себя начиная с Платона как "философию", а позднее получает название "метафизика".

В мышлении бытия основывающее историю освобождение человека ДЛЯ экзистенции приходит в слово, которое не есть лишь только "выражение" мнения, а всегда является уже хорошо сохраненной структурой истины сущего в целом.

Многие ли имеют слух для того, чтобы услышать это слово, этому счет не ведется. Тот кто относится к тем, которые могут слышать, определяет место человека в истории. Однако в мире в тот самый момент, который принимает за свое начало философия, начинается также ярко выраженное господство обыденного рассудка (софистика).

Он ссылается на несомненность очевидного сущего и толкует всякое мыслящее вопрошение как нападение на здравый человеческий рассудок и его злополучную раздражительность.

Но что такое философия в оценке здравого рассудка, оправдывающего себя в своей области, — это не касается ее сущности, которую как таковую можно определить только из соотносительности с первоначальной истиной сущего как такового в целом. Но так как полная сущность истины включает в себя не-сущность и, предваряя все, властвует как сокрытие, философия как вопрошение этой истины в себе раздвоена. Ее мышление — это невозмутимость доброты, которая не отказывается от сокрытости сущего в целом. Ее мышление есть одновременно решимость строгости, которая не нарушает сокрытия, но вынуждает ее неприкосновенную сущность к открытой понятной™ и таким образом к ее собственной истине. <...>

Предложенная здесь попытка выводит вопрос о сущности истины за пределы обычного ограничения в общепринятом понятии сущности и содействует размышлению о том, не должен ли быть вопрос о сущности истины одновременно и даже в первую очередь вопросом об истине сущности. Но в понятии "сущность (Wesen)" философия мыслит бытие. Сведение внутренней возможности правильности высказывания к экзистенциальной свободе допущения бытия как ее "основания", равно как намек на начало сущности этого основания в сокрытии и в заблуждении могло бы указать на то, что сущность истины — это не пустая "генерализация" "абстрактной" всеобщности, но скрывающая себя единственность неповторимой истории раскрытия "смысла" того, что мы называем бытием и с давних пор привыкли мыслить только как сущее в целом.

Вопрос о сущности истины возникает из вопроса об истине сущности. Первый вопрос понимает сущность прежде всего в смысле истины или вещиности, а истину — как характер познания. Вопрос об истине сущности понимает сущность вербально и мыслит под этим словом, оставаясь еще внутри представления метафизики, бытие как господствующее различие бытия и сущего. Истина означает просвечивающее хранение как основную черту бытия. Вопрос о сущности истины находит ответ в утверждении:

сущность истины есть истина сущности. После этого разъяснения отчетливо видно, что предложение не просто меняет состав слов в словосочетании и хочет создать видимость парадокса. Субъект предложения, в случае если эту фатальную грамматическую категорию вообще еще можно употребить, — это истина сущности. Просвечивающее хранение есть, т. е. позволяет осуществлять свою сущность, согласованность между познанием и сущим. Это предложение не является диалектическим. Оно вообще не является предложением в смысле высказывания. Ответ на вопрос о сущности истины — это описание поворота внутри истории бытия. Так как к нему относится просвечивающее хранение, то бытие выступает первоначально в свете скрывающего запрещения, название этого просвета aletheia...

Важный вопрос (Бытие и время. 1927) о смысле, т. е. (Бытие и время. С. 151) о сфере проецирования (Entwurfbereich), т. е. об открытости, т. в. об истине бытия, а не только сущего, остается намеренно неразвернутым. Мышление остается, по своей видимости, в лоне метафизики и на своих решающих отрезках пути, которые ведут от истины как правильности к

экзистентной свободе и от последней — к свободе как сокрытию и заблуждению, совершает изменение вопрошания, изменение, которое относится к преодолению метафизики. Подвергнутое в докладе проверке мышление осуществляется в существенном опыте, показывающем, что только лишь из здесь-бытия, в которое может войти человек, подготавливается близость к истине бытия для исторического человека. Всякого вида антропология и вся субъективность человека как субъекта, как уже в работе "Бытие и время", не только отвергнута и найдена истина бытия как основа измененной исторической позиции, но ход доклада имеет намерение мыслить на этой другой основе исходя из здесь-бытия. Последовательность вопрошания есть само по себе путь мышления, которое, вместо того чтобы давать представления и понятия, испытывает и повторяет себя как изменение связи с бытием.

"О сущности истины // Философские науки. 1989, №4. С. 96-104.